

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 2

1967

Евгений **ВИНОКУРОВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

Г О Л О С

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 2

Евгений ВИНОКУРОВ

ГОЛОС

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1967

Евгений ВИНОКУРОВ

Евгений Михайлович Винокуров родился в 1925 году в Брянске.

После окончания 9-го класса ушел добровольно на фронт. Участвовал в боевых действиях в качестве офицера-артиллериста на 4-м Украинском фронте.

В 1946 году поступил в Литературный институт имени Горького, окончание которого совпало с выходом его первой книги «Стихи о долге». За ней последовали поэтические сборники: «Синева», «Признанья», «Лицо человеческое», «Слово», «Музыка», «Характеры», «Земные пределы», «Ритм» и другие. В 1966 году опубликовал книгу статей «Поэзия и мысль».

Стихи Е. Винокурова переводились на английский, французский, немецкий, японский, польский, венгерский, чешский, словацкий, болгарский и другие иностранные языки, а также на языки народов СССР. Отдельными изданиями вышли его избранные стихи на восьми языках мира.

ОНА

Присядет есть, кусочек половиня,
Прикрикнет: «Ешь!» Я сдался! Произвол!
Она гремит кастрюлями, богиня.
Читает книжку. Подметает пол.
Бредет босая, в мой пиджак одета.
Она поет на кухне поутру.
Любовь? Да нет! Откуда?! Вряд ли это!
А просто так:
Уйдет. И я умру.

СВЕТ

Я дневника не вел. Я фактов не копил.
Я частность презирал. Подробность ненавидел.
Огромный свет глаза мои слепил.
Я ничего вокруг себя не видел.
Но годы шли. И в дружеском кругу
Хочу я рассказать о дальней дали.
Но ничего я вспомнить не могу —
Ни черточки случайной, ни детали.
Хоть малость бы какую! Нет как нет!
Передо мною лишь одно, не боле,
Один лишь белый тот слепящий свет,
Глаза, как бритва, режущий до боли.

КОГДА УХОДИТ ЖЕНЩИНА

Когда уходит женщина, скажи:
«Не уходи!» — и задержать попробуй.
На плечи руки смело положи.
Она их сбросит тотчас же со злобой.

ПЕРВАЯ ФРАЗА

Если первая фраза тебя потрясла
В странной книге, открытой напропалую,
Не спеши. Поднимись. Отойди от стола.
Не читай опрометчиво фразу вторую.
Не читай. И поднимется образов рой.
Вздрогнет сердце, а ведь не дрожало ни разу!..
Неизвестно еще, что во фразе второй!
Пронеси же сквозь жизнь эту первую фразу.

МОЕ ПРОШЛОЕ

Весною новой новая трава
Не знает ничего о прошлогодней.
Ей память для чего? Она жива,—
Ей хорошо без прошлого, свободней.
А мне-то как: забрел в дремучий лес
Воспоминаний и не выйду к свету...
Мир прошлого! Да он давно исчез!
Его давно на самом деле нету!
Был, да пропал, подобно миражу.
Прошло с тех пор уж лет пятнадцать этак...
А я брожу в густом лесу, брожу
С рубцами на лице от бьющих веток.

*
* * *

Ты не плачь, не плачь, не плачь. Не надо!
Это только музыка! Не плачь.
Это всего-навсего соната.
Плачут же от бед, от неудач...
Сядем на скамейку.

Синевато

Небо у ботинок под ледком.
Это всего-навсего соната —
Черный рупор в парке городском!
Каплет с крыши дровяного склада.
Развезло. Гуляет черный грач...
Это всего-навсего соната!
Я прошу: не плачь, не плачь, не плачь.

ПРОРОК

И вот я возникаю у порога...
Меня здесь не считают за пророка!
Я здесь, как все. Хоть на меня втроем
Во все глаза глядят они, однако
Высокого провидческого знака
Не могут разглядеть на лбу моем.
Они так беспощадны к преступленью!
(Здесь кто-то, помню, мучился мигренью?)
— Достал таблетки?! Выкупил заказ?
— Да разве просьба та осталась в силе?..
— Да мы тебя батон купить просили!
— Отправил письма? Заплатил за газ?..
И я молчу. Что отвечать, не знаю.
То, что посеял, то и пожинаю.
А борщ стоит. Дымит еще, манящ!..
Но я прощен! Я отдаюсь веселью!
Ведь где-то там оставил я за дверью
Котомку, посох и багряный плащ.

*
* *
*

Когда-нибудь однажды в гастрономе
Я выбью сыра двести грамм и, руку
Протягивая с чеком продавщице,
Увижу вдруг, что рядом — это ты.
Я руку с чеком опущу. В сторонку
Мы к кассе тут же отойдем и будем
О том о сем, о пятом, о десятом
Средь толчеи негромко говорить.
И ты заметишь, что давно не брита
Седая на щеках моих щетина,
Что пуговица кое-как пришита
И обмахнулись рукава пальто.
Я ж про себя отмечу, что запали
Глаза твои, что неказиста шляпка
С тряпичной маргариткой и что зонтик
Давно пора отдать бы починить.
Простимся. И когда в толпе исчезнешь,
Мне вслед тебе захочется вдруг крикнуть,
Что разошлись, ей-богу же, напрасно
С тобой мы тридцать лет тому назад.

НЕУДАЧИ

Не надо говорить о своих неудачах.
Кому это интересно?
Когда их слишком много, это даже стыдно.

Сегодня удивительно неудачный день.
Видно, что-то случилось с машиной, отмеривающей неудачи.

Что-то сломалось.
Они посыпались на меня так, как не сыпались никогда.
— Вам завернуть? — спрашивает меня продавщица.
— Да, — отвечаю я, — да. Пожалуйста. Будьте добры! —
И горло мне что-то сдавливает.
Я выхожу на улицу. Осень.
«Вот уж, как говорится, не повезет, так действительно
не повезет! — думаю я. —

А все же надо бы кому-то рассказать.
Не жаловаться, нет!
А просто так, снять трубку и кому-то сказать:
Знаете, а мне что-то все не везет.
Да, что-то все не везет и не везет. Не везет, и только!
Просто до смешного».
Осень. Иду, отражаясь в мокрой мостовой каким-то
коротконогим,

Опрокинутым головою вниз.
«Фу ты, черт, — думаю я, — вот, право...»
Батон под мышкой размок. Поднимаюсь по лестнице.
Открываю дверь английским ключом.
В моей комнате никого нет. Она холодная, пустая..
«Это осень, Таня.
Да, осень. И невезенье».

*
* *

Пещерный человек учился рисовать.
Не находя в изяществе резона,
Тяжелым камнем начал выбивать
Фигуру угловатого бизона.

Случайный шаг! Опасная стезя!..
Он кончил, и впервые с сотворенья
Из глаз звериных длинная слеза
Устало потекла — от умиленья.

И, страшной тайной творчества влеком,
Он чувствовал: назад уж нет возврата,—
Когда он первобытным кулаком
Стирал слезу светло и виновато.

Косматый, дикий, шкура за спиной,
Лицо разодрала ему гримаса!..
Он радости был полон неземной,
Что слаще меда и сытнее мяса.

*
* *
*

И когда мои ноги уже затекали
Подо мной и щека моя тронула лед,
Высоко над собою по вертикали
Я увидел кружащийся самолет.
Он заметил меня и все ниже и ниже
Стал спускаться. И вот уж почти что без сил:
— Ну, дави,— я тогда прошептал,— ну, дави же
На гашетку! — И крепко рукав закусил.
...То ли все же меня не заметил он, то ли
Пренебрег и рывком надавил на штурвал
И, как бог Саваоф на небесном престоле,
Мне — ничтожнейшей точечке — жизнь даровал.
И поднялся и вышел опять на орбиту...
Я заплакал: «Мальчишка! Убийца! Сопляк!»
И за то, что меня не убил, за обиду
Я поднял над собою замерзший кулак.

МУЗЫКА

Стихия музыки — могучая стихия,
Она чем непонятней, тем сильнее.
Глаза мои, бездонные, сухие,
Слезами наполняются при ней.
Она и не видна и невесома,
И мы ее в крови своей несем.
Мелодии всемирная истома,
Как соль в воде, растворена во всем.
Покинув помещенья нежилые,
Вселившись в дом высокий, как вокзал,
Все духи музыки — и добрые и злые —
Безумствуют,
переполняя зал.

Сурова нитка музыкальной пьесы —
Верблюд, идущий сквозь ушко иглы!
Все бесы музыки, все игровые бесы,
Играючи, хотят моей игры.
Есть в музыке бездумное начало,
Призыв к свободе от земных оков.
Она не зря лукаво обольщала
Людей на протяжении веков.
Вакханки в исступлении зверели,
В поля бежали, руки заломив,
Лишь только на отверстия свирели
Орфей клал пальцы, заводя мотив.
Но и сейчас, когда оркестр играет
Свою неимоверную игру,
Как нож с березы, он с людей сдирает
Рассудочности твердую кору.

УГОЛЬ

В работе не жалея сил,
Веселою весной
Я уголь блещущий грузил
На станции одной.
А было мне семнадцать лет,
Служил я в арtpолку,
Я в легкий ватник был одет,
Прожженный на боку.
Я целый день лопатой скреб,
Я греб, углем пыля.
И были черными мой лоб
И щеки от угля.
Я запахом угля пропах,
Не говорил, не пел,
Лишь уголь мелкий на зубах
Пронзительно скрипел.
Когда ж обедал иль когда
Я чай из банки пил,
То черною была вода
И черным сахар был.
С лицом чумазым, средь трудов,
Я рад был той весне.
Но девушки из поездов
Не улыбались мне.

Вдаль улетали поезда,
Как в фильме иль во сне.
Мелькнут, и только и следа —
Дымок на полотне.
Хотелось крикнуть что есть сил:
— Пойдите, поезда!
Пойдите! Я ведь не любил
На свете никогда!

КОГДА НЕ РАСКРЫВАЕТСЯ ПАРАШЮТ

Коль дергаешь ты за кольцо запасное
И не раскрывается парашют,
А там, под тобою, безбрежье лесное —
И ясно уже, что тебя не спасут,
И не за что больше уже зацепиться,
И нечего встретить уже по пути —
Раскинь свои руки покойно, как птица,
И, обхвативши просторы, лети.
И некуда пятиться, некогда спятить,
И выход один только, самый простой:
Стать в жизни впервые спокойным и падать
В обнимку с всемирною пустотой.

*
* *
*

Косноязычье мучило меня.
Была необходима сила бычья,
Скосив белки и шею наклона,
Ворочать маховик косноязычья.
Косноязычье вовсе не порок!
Застигнутый полупонятным зовом,
Пусть корчится измученный пророк
В борении с рождающимся словом.
Смешенье междометий и слюны.
Побольше часа надобно — не сразу! —
Чтобы, придя в движенье, шатуны
Вдруг выдавили на поверхность фразу.
Лишь пустяки легко выходят в свет.
Я с трепетом внимаю бормотанью.
Все это вздор, покуда бездны нет
Меж мыслью промелькнувшей и гортанью!

И если мысль действительно нова,
То надо говорить с азов учиться...
Ворочаются трудно жернова —
Но льется тонкой струйкою мучица.

В БУМАЖНОМ ОТДЕЛЕ ГУМА

Под потолок бумаги писчей —
Пласты, пласты.

Тут на века!
Готовы стать духовной пищей.
Для верстки. Для черновика.
Рулоны ватманской бумаги.
Когда б один такой рулон
Скатился,

то в универмаге
Он страшный бы нанес урон.
Бери квадрат бумаги белой.
Размер — не меньше простыни!
Расчеты по хозяйству делай.
Или трагедию начни!

...На небоскреб бумаги глянув,
Меж глянцевитых стен зажат,
Я ахнул: миллион романов
И тыщи повестей лежат.
Здесь все для умственного пира.
Тюки с бумагою валя,
Тут продавщицы ждут Шекспира,
Толстого, Ибсена, Золя.
Блокноты в клетку и без клеток
Лежат навалом у стены:
Для изречений, для заметок
Они, видать, припасены!
А рядом общие тетради.
Они стоят обрез в обрез.
О многотысячные рати
И с переплетами и без!
...Стою, задумчиво листая:
Для туши. Для карандаша.
А вот — я щупаю — простая.
Для исповеди хороша!..

*
* *

Сосед мой, густо щи наперчив,
Сказал, взяв стопку со стола:
«Ты, друг, наивен и доверчив.
Жизнь твоя будет тяжела».
Но не была мне жизнь тяжелой.
Мне жребий выдался иной:
Едва расстался я со школой,
Я тотчас принят был войной.
И в грохоте, способном вытрясть
Из тела душу,
 на войне
Была совсем ненужной хитрость,
Была доверчивость в цене.
Я ел — и хлеб казался сладок,
Был прост — и ротой был любим,
И оказался недостаток
Большим достоинством моим.

ЛИЦО

Сколько прелести есть в человеческих лицах!..
Все смотрел бы на них и смотрел без конца.
Но в глухих городишках и в громких столицах
Вдруг на улице встретишь лицо подлеца.
И, безгловость и ужас почти не скрывая,
Отшатнешься, стараясь с дороги свернуть.
Но навеки запомнишь: ухмылка кривая
И глаза, разбегающиеся, как ртуть.
Берегите лицо человеческое. Несите
Сквозь года — и глаза молодые и рты.
Словно с озера, с глади лица не спугните
Выражение детскости и чистоты.

*
* *

Крестились готы. В водоем до плеч
Они входили с видом обреченным.
Но над собой они держали меч,
Чтобы кулак остался некрещеным.

Быть должен и у кротости предел,
Что б заповедь смиренья ни гласила...
И я кулак бы сохранить хотел.
Я буду добр. Но в нем пусть будет сила.

ПРОСТОТА

Был мир пред нами обнажен,
Как жуткий быт семьи в бараке
Иль как холодный, из ножен,
Нож, оголяемый для драки.

Еда и женщина!.. Сняты
Покровы с жизни. В резком свете
Мир прост! Ужасней простоты
Нет ничего на этом свете.
Мы шли. Дорога далека!
Держались мы тогда непрочной,
Мгновенной сложности цветка
И синей звездочки полночной.

ВСТРЕЧА

На продпункте я ел
По последним талонам.
Вслед печально смотрел
И махал эшелонам.
Пил пустой кипяток
С населением вокзала.
Кружки три — не питок!
Больше трех не влезало.
С дальних, призрачных рощ
Ветра резкая сила
Листьев радужный дождь
На перрон заносила.
Я ходил взад-вперед,
Все мне было знакомо:
Жил дорожный народ
На перроне, как дома.
Рыжий парень с ножа
Кушал серое сало.
Ртом заколки держа,
Баба волос чесала.

Скучный полдень томил.
Сев со смазчиком рядом,
Я солидно дымил
Молодым самосадам.
Смех вдруг вспыхнул, звеня,
Как-то чисто и ломко:
Бросив взгляд на меня,
Мимо шла незнакомка.
Шла она стороной,
В неуклюжей, нескладной,
По колени длиной,
Грузной стеганке ватной.
Неуклюжий наряд.
Неуклюжа фигура,
Только синим был взгляд
Да коса белокура!
Я застыл, сам не свой —
С сердцем не было слада —
Под густой синевой
Горделивого взгляда.
Я хотел подойти,
Но проклятая робость
Пролегла на пути
Между нами, как пропасть...
Вдалеке семафор,
Предвещаая разлуку,
Как усталый актер,
Поднял горестно руку.
И под пляску колес,
Под колес переборы
Поезд грозно унес
Гору дыма в просторы.
Много минуло дней
С той поры, и не скрою,
Вспоминал я о ней
С затаенной тоскою.
Вспоминал, крепким сном
Под кустом забываясь
И в полку запасном
Поутру обуваясь.
За обедом вдруг стук
Раздавался, бывало,—
Это ложка из рук
У меня выпадала...

ГОЛОС

Все по-старому будет по сути.
Лишь угрюмо опустится взгляд.
Удивятся, заметивши, люди,
Что ты бродишь один, наугад...
...А под вечер весенний, птичий,
Лишь осядет березовый дым,
Женский голос поманит, покличет,
Позовет —
и уйдешь за ним.

ДОБРОТА

Я все занесу на скрижали,
Железную точность храня,—
И то, как меня обижали,
И то, как жалели меня.
Обида, обида людская!
Забудешь одну без труда,
Другую, полжизни таская,
Не сможешь забыть никогда.
И все ж, как она б ни держалась,
Концу ее все-таки быть,
Но, острая, светлая жалость,
Тебя мне вовек не забыть.
Я зубы сжимал, чтоб, не плача,
Пройти среди белого дня.
Царила моя Неудача,
Несчастья терзали меня.
Сердечностью необычайной
Я был поражен на пиру,
За чаркой в райпитовской чайной,
В картофельном сытном пару.
Сидел я, печальный, у края,
И, голову вбок наклоня,
Подолом глаза утирая,
Жалели старухи меня.
О русские веши и грады!
Прошел я немало путей
И высшей не знаю отрады,
Чем доброе слово людей.

Вставало над избами солнце,
Я видел: везде разлита —
Где с верхом, а где и на донце —
В людские сердца доброта.

*
* *

Моя любимая стирала.
Ходили плечи у нее.
Худые руки простирала,
Сырое вешая белье.
Искала крохотный обмылок,
А он был у нее в руках,
Как жалок был ее затылок
В смешных и нежных завитках!
Моя любимая стирала.
Чтоб пеной лба не замарать,
Неловко, локтем, убирала
На лоб спустившуюся прядь.
То, плечи опустив, родная,
Смотрела в забытии в окно,
То пела тоненько, не зная,
Что я слежу за ней давно.
Заката древние красоты
Стояли в глубине окна.
От мыла, щелока и соды
В досаде щурилась она.
Прекрасней нет на целом свете —
Все города пройти подряд,—
Чем руки худенькие эти,
Чем этот грустный-грустный взгляд.

*
* *

Где ты, русский степенный мужик с бородой,
С головой, постным маслом густым политой,
Что отвозит горшки гончарам на обжиг?!
Где ты, в белой посконной рубахе мужик?..
Ты уже парикмахером голо обрит,
Ты помятой кепчонкою сверху покрыт...
Но ты так же раздолен и так же велик
В пиджаке ширпотребовском,
русский мужик!

Я ПОСЕТИЛ ТОТ ГОРОД

Я посетил тот город, где когда-то
Я женщину всем сердцем полюбил.
Она была безмерно виновата
Передо мной. Ее я не забыл.
Вот дом ее. Мне говорят подробно,
Как осенью минувшей умерла...
Она была и ласкова и злобна,
Она была и лжива и мила.
...Я не решаю сложную задачу,
Глубинные загадки бытия.
Я ничего не знаю. Просто плачу.
Где все понять мне? Просто плачу я.

ЖИЗНЬ

Жизнь — это конь, что рвется из удил,
Что вертит крупом, скинуть наземь метя...
Жизнь может вдруг подмять, — и я ходил
С рогатиной на жизнь, как на медведя.
Жизнь — это бойкий ботик посреди
Бездн и высот. Гребни же, бел от злости...
Тебе ответ? Так вот он: победи!
Как сказано в грузинском древнем тосте.

МОСКВИЧИ

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.
А где-то в людном мире
Который год подряд,
Одни в пустой квартире,
Их матери не спят.
Свет лампы воспаленной
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.
Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино,

Жена кричит: — А ну, без выкрутас!
Кончайте мыться! Одевайтесь сами!
Да не простыть! Не могут без возни!..
Нагнулась властно с тряпкой половою.
К постелям нагишом бегут они,
Накрывшись простынями с головою.

ЦИНИК

Худой малец в линялом свитере
Надвинул на глаза берет.
И где-то там, внизу, в «юпитере»,
Беснуясь, заблистал балет.
За одурманенной Одеттою,
Выделяющей в небе па,
Летит толпа полуодетая,
От света бьющего слепа.
Малец, как карлик в заточении.
Он циник: верит только в свет.
Он знает: дело в освещении.
Вынь штепсель — и Одетты нет.

*
* *

Звериное тепло домашнего уюта..
А комната — как будто бы каюта!
И кажется, качается диван.
Жизнь за окном — Великий океан!
А комната? Ее несет куда-то,
На стенке календарь, — какая нынче дата?
А комната? Среди скитаний — стан!
По звездам держим путь. Вверх подыми секстан!..
Свисают простыни Нестойкий привкус чада.
И ползает дитя. Трясет гремушкой. Чадо!
За стенкой холода. Но ход необратим —
И потому вперед куда-то мы летим.
Дитя бубнит во сне. И пар от молока..
Пронесется в окне со свистом облака!

Мне писалось лучше в поездах —
В тамбуре набитой электрички.
В самых неожиданных местах
В силу вкоренившейся привычки.
В час, когда купать детей зовут
Иль в аптеке покупаешь мыло.
В кассу стать бы надобно,— а тут
Смотришь, вдруг под вздохом защемило!
Мне писалось лучше у врача,
В миг, когда сидел я, раскрывая
Рот,—

рукою между тем ища
Карандаш в кармане...

И живая
Та строка, что мне являлась там,
Где вовек не сыщутся чернила,
Из глубоких будней к высотам,
Как в горах тропинка,
уводила.

СИБИРСКИЕ ВАГОНЫ-РЕСТОРАНЫ

Сибирские вагоны-рестораны —
На тыщи верст рассчитанный уют!..
Здесь за графином раздирают раны
Сердечные,

бранятся и поют.
Актер бровастый едет на гастроли,
Моряк спешит из отпуска назад.
За долгий путь сдружившись поневоле,
Сидят, касаясь лбами, взгляд во взгляд.
И все, что за полжизни наболело,
Все, что таили где-то в глубине,
В сердцах друг другу поверяют смело
Среди народа, как наедине.

Всю жизнь свою — женитьбы и разводы,
Печальные ошибки прежних дней.
...Потребность человеческой природы
В признаниях — стыдливости сильней!

О, сколько тут новелл, если порыться!
Как вспомнить их и не сойти с ума!
Друзья бормочут, и бежит по лицам
То свет, то тьма, то свет, то снова тьма.
Когда бы это все они забыли,
Как был бы их удел нелегкий прост...

А за окном безлюдие Сибири,
Полночная тайга на тыщи верст.

*
* * *

В судьбу походную влюбленный,
Не в фото, где луна у скал,
В казарме, густо побеленной,
Я честно красоту искал.
Ее искал я в дисциплине,
И в пайке, выданной в обрез,
И в алом клине, дымном клине
В теплушку глянувших небес.
Прослушав грустный хрип гармонии —
А я тогда грустил всерьез! —
От глаз я отрывал ладони,
Ладони, мокрые от слез...
Через овраги и низины,
Через расплесканную грязь,
Я мчался в кузове машины,
На плащ-палатке развальясь.
Я брел по снежным первопуткам,
Сквозь ночь летел в товарняках,
Питался сечкой по продпунктам
И мылся в санпропускниках.
Я понимал лишь только грозы,
Дорог замес, снегов обвал...

Скупой и тонкий дух березы
В те годы я не понимал.

СОЛОВЕЙ

Среди листвы работал соловей...
Бей в наковальню! Глыбами ворочай!
Пуды под звезды подымай живей,
Как потный грузчик и чернорабочий!

Бей в наковальню! Бей! Гранит дроби,
Ночной певец, не знающий износа!
Пой в темноте! Свой страшный труд любви —
Молотобойца и каменотеса!
Ломай дубы! Вей кольца из ветвей!
Копай суглинок, за плечо кидая!..
Среди листвы работал соловей.
Всю ночь работал. Рук не покладая.

АДАМ

Ленивым взглядом обзрев округу,
Он в самый первый день траву примял,
И лег в тени смоковницы, и, руку
Заведши за голову, задремал.
Он сладко спал. Он спал невозмутимо
Под тишиной эдемской синевы.
...Во сне он видел печи Освенцима
И трупами наполненные рвы.
Своих детей он видел!.. В неге рая
Была улыбка на лице светла.
Дремал он, ничего не понимая,
Не знающий еще добра и зла.

*

* *

Кто только мне советов не давал!
Мне много в жизни выдалось учебы.
А я все только головой кивал:
— Да, да, конечно! Ясно. Ну, еще бы!..
Поднявши перст, кто только не держал
Меня за лацкан! — Да, ага, понятно!
Спасибо! Ладно! — Я не возражал:
Ну что мне стоит? А ведь им приятно..
— Да, да, согласен! Ой ли! Ей-же-ей!
Ну да, пожалуй! Вы правы, не скрою..
Чем больше слушал я учителей,
Тем больше я хотел быть сам собою.

ЖЕНЩИНЫ

Я грущу. Я измучен жаждой.
Я извелся, грустя, любя.
В каждой девочке, в женщине каждой,
В каждой что-то есть от тебя.
Я их, грустных, не в силах видеть,
Их смятенья, их скорбных поз.
Их же так ведь легко обидеть,
Так легко огорчить до слез!
Сокровенным с тобой, глубинным
Чем-то связаны все они,
Чем-то жалостным, голубиным,
Чем-то тайным тебе сродни.
Вот вчера одна торопилась,
Плача, пуговицу теребя...
Сердце кровью мое облилось,
Как подумал я про тебя!

МИР РАЗЛОЖИЛ НА ЧАСТИ ПИКАССО

Мир разложил на части Пикассо.
Он плоть содрал с вещей. Так бьют посуду!
На дыбу мир! Скорей! На колесо!
Повсюду щепки. Черепки повсюду!

Устал. Пошел пройтись на полчаса.
— Эх, что б еще! — Веселой полон злобой.
Глядит: кафе. Зашел. Глядит: слеза.
Слеза стекает... Разложи! Попробуй!

*

* *

Мне не сойти с привычной колеи...
Чтоб дать мне пить, встает в одной рубаше
Та женщина, что знает все мои
Безумия, сомнения и страхи.
К стакану губы я во тьме тяну
И сплю. Но, одевая край бросаю
На пол, я вновь зову ее. Одну.
И вновь ко мне она идет босая.

Кричу. Но засыпаю и во сне
Поймать опять хочу обрывок нити.
Она одна все знает обо мне —
Коль надо будет что, ее спросите.

*
* *

Поют слепые. Жаждет петь и петь
Тот, кто ослеп. Хрипотца с непривычки,
Тоскует сердце, не могу терпеть,
Когда заслышу голос в электричке!
Гомер, вслед за тобой те, что слепы,
Бредут как бы без лампы по забою.
...И бандурист поет среди толпы
В слезах, наедине с самим собою.
Все шарят палкой — только б не упасть.
Поют, поют, поют. Закрыты веки.
Как видно, к песне беспредельна страсть
У тех, кто солнце потерял навеки.

*
* *

Мне плохо: я ни разу не страдал,
К страданью я привычки не имею.
Не плакал. Не кричал. И не рыдал.
А вдруг беда? Ну как я встречу с ней?
Как выдержу ее? Как справлюсь с ней?
Спокойно все пока. Пока все мило.
Но сердце ощущает все сильнее
Трагическую подоснову мира.
И я чего-то напряженно жду.
Задумываюсь. Голову склоняю.
Во мне смятение: как встречу я беду!
Беду как встречу я? Не знаю.

*
* *

Вскинь классический лук и сквозь щель амбразуры
Жертву высмотри и порazi!..
Вы порхали легко, фронтовые амурь,—
Ваши крылья в крови и грязи.
Ваши стрелы — они беспощадны и метки.
В блиндаже, что б поделатъ смогла

Санитарочка — только что из десятилетки,—
Если в сердце попала стрела?
Вы свободно летали, босые ребята,
Не боясь под бомбежку попасть,
Чтобы в рыжих глазах диковых комбата
Загорелась тяжелая страсть.
Чтоб текло бы под пальцами девичье тело
Да лохматой овчины пола...
Только перышко, колыхаясь, летело,
Мягко выпавшее из крыла.

СИНЕВА

Меня в Полесье занесло.
За реками и за лесами
Есть белорусское село —
Все с ясно-синими глазами.
С ведром босую у реки
Девчонку встретите на склоне.
Как голубые уголки,
Глаза ожгут из-под ладони.
В шинельке — видно, был солдат —
Мужчина возится в овине.
Окликни — он поднимет взгляд,
Исполненный глубокой сини.
Бредет старуха через льны
С грибной корзинкой и с клюкою.
И очи древние полны
Голубоватого покоя.
Пять у забора молодух,
Судачат, ахают, вздыхают...
Глаза — захватывает дух! —
Так синевой и полыхают.
Девчата. Скромн их наряд.
Застенчивые чаровницы,
Зардевшись, синеву дарят,
Как драгоценность, сквозь ресницы.

*
* *
*

Когда раздроблена нога,
То, локти ободрав, из бою
Он уползает от врага,
Влача обрубок за собою.

...Боль всюду и всегда с людьми.
Но все же ты иди по свету,
Лишь зубы поплотней сожми,
Когда уже терпенья нету!
Пред жизнью только трус дрожит —
Не надобно бояться боли...
...Трагическая тень лежит
Под каждою травинкой в поле.

*
* *

Боюсь гостиниц. Ужасом объят
При мысли, что когда-нибудь мне снова
Втянуть в себя придется тонкий яд
Ковров линялых номера пустого.

Боюсь гостиниц. Это неспроста.
Здесь холодом от окон веет люто.
Здесь лампа. Здесь гардины. Здесь тахта.
Иллюзия семейного уюта.

Боюсь гостиниц. Может, потому,
Что чувствую, что в номере когда-то
Остаться мне случится одному.
Навеки. В самом деле. Без возврата.

*
* *

На вешалке в передней шубка кунья,
И в комнате, в нелегкой духоте,
Та женщина — тряпичница и лгунья —
Сидит, поджавши ноги, на тахте.
В окне рассвет идет на смену мраку.
Там голубю привольное житье...
Она сейчас должна поднять в атаку
Все обаянье юное свое.
На блузке брошь с тяжелою оправой,
И пальцы молодые холодны...
Зачем такой, никчемной и неправой,
Глаза такие гордые даны?
За окнами, покинув горстку проса,
Уходит голубь в купол голубой.
Из века в век поэзия и проза
Смертельный бой ведут между собой.

ГАМЛЕТ

Мы из столбов и толстых перекладин
За складом оборудовали зал.
Там Гамлета играл ефрейтор Дядин
И в муках руки кверху простирал.
А в жизни, помню, отзывался ротный
О нем как о сознательном бойце!
Он был степенный, краснощекий, плотный,
Со множеством веснушек на лице.
Бывало, выйдет, головой поникнет,
Как надо, руки скорбно сложит, но
Лишь только «Быть или не быть?» воскликнет,
Всем почему-то делалось смешно.
Я Гамлетов на сцене видел многих,
Из тьмы кулис, входивших в светлый круг,
Печальных, громогласных, тонконогих...
Промолвит слово — все притихнет вдруг,
Сердца замрут и задрожат бинокли...
У тех и страсть, и сила, и игра!
Но с нашим вместе мерзли мы, и мокли,
И запросто сидели у костра.

КРАСОТА

В. Бокову

На небо взглянешь —
Звезд весенних тыщи!
Что юности в блескучей высоте?!
Но яростнее, чем потребность в пище,
Была у нас потребность в красоте.
Нам красота давалась понемножку...
По вечерам, когда шумел привал,
Сапожник ротный, мучая гармошку,
Ее для нас упорно добывал.
Она была минутной и неброской.
Мелькнет — и нет: под утро вдалеке,
На горке — стеариновой березкой,
В ночи — луной, раздробленной в реке.
А то бывало: осень, вязнут танки,
И чад, и гарь — и вдруг она возьмет
И чистым взором познанской крестьянки
Из-под руки, лукавая, сверкнет.

*
* *
*

Прибита прочно под дверьми подкова.
Мой лоб порой для рук моих тяжел...

А смерть придет? Ну что же тут такого?!
Я жил. Я был. Я мыслил. Я ушел.

ПОЭМА О ДВИЖЕНИИ

Полы трет полотер.
Бредет он полосой.
Так трогают
— хитер! —
Ручей ногой босой.
Он все тропу торит.
Его неверен шаг.
Но вот простор открыт.
Он вышел на большак.
Полы трет полотер.
А ну смелее! Жарь!
И он вошел в задор,
Как на косьбе косарь.
Вперед он сделал крен.
Рубахи нет,— штаны.
А ноги до колен
Его обнажены.
Полы трет полотер.
Он с плешью. Он костист.
Он руки вдаль простер,
Кружа, как фигурист.
Веселую игру
Он воспринял всерьез.
Чечетку бьет в углу,
Как «яблочко» матрос.
Полы трет полотер.
Как будто на пари.
Напористый мотор
Работает внутри.
Струится пот со щек.
А пляска все лютей.
Он маятник. Волчок.
Сплошной костер страстей.

Полы трет полотер.
Паркет да будет чист!
Он мчит —
 пустынен взор! —
Как на раденье хлыст.
Ему не до красот.
Он поглощен трудом.
Ой-ёй, он разнесет
Того гляди весь дом.
Полы трет полотер,
Его летит рука.
Он как тореадор,
Пронзающий быка.
Он мчит. Он там. Он тут.
Устал Как поднял воз:
Он начертал этюд
Из жестов и из поз.
Полы трет полотер.
В нем порох. В нем запал.
Вот он нашел упор.
От плоти валит пар.
Расплавил пыл его,
А ритм его слепил.
Ухваток торжество.
Телодвиженья пир.
Полы трет полотер.
А позы как хорал.
Мимический актер
Трагедию сыграл.
Он мчит неумолим
От окон до дверей...

Движение правит им,
Оно его мудрей.

СЕРЕБРЯНЫЙ БОР

Когда мне вдруг захочется увидеть сразу весь мир —
Я закрываю глаза.
В детстве, наморщив лоб, я бродил по Серебряному бору.
Надо мной скрипящие сосны, раскачиваясь,
С трудом размешивали кронами белесоватое небо.
Я удивлялся, когда в ответ на брошенный камень
В пруду раздавался всплеск.

О великий закон, по которому
Следствие непременно вытекает из причины!
Я утвердился в нем за несколько десятилетий
Своей жизни.
Я спокоен. Все правильно. Цепь прочна.

Но почему, когда я закрываю глаза,
Я вижу весь мир?

*
* *
*

Смеялась женщина... И смех ее звучал
В каморке, в блиндаже, в купе вагона.
Его сквозь сон я смутно различал
За стенкою средь гомона и звона.
О золото! Его мне мир дарил
В теплушке. На поляне. На пароме.
Смотри: на стадионе у перил
Вон женщина хохочет и в истоме
Уж падает почти! Смеется! Силы нет!
До слез, в изнеможенье, на пределе.
Руками только машет. И в ответ
Нельзя не улыбнуться в самом деле.
В метро. На танцах. На плотях. В кино.
Мелькали страны, лица. Все сменялось...
А я хотел бы только лишь одно —
Чтоб шли года, чтоб женщина смеялась.

МОЕ МАСТЕРСТВО

Мое мастерство, ты особого рода.
Ты мяч, тот, что с силою послан в ворота.
Удар в лобовую, ты голая суть,
Ты — как там? — кратчайший меж точками путь.

Мое мастерство, ты особого рода.
Нет, ты не метафора, ты не острота.
Подайте мне смысл, — для чего мне слова?
Мое мастерство — избежать мастерства.

СОДЕРЖАНИЕ

Она	3
Свет	3
Когда уходит женщина	3
«Поэт бывал и нищим и царем...»	4
Незабудки	4
Первая фраза	5
Мое прошлое	5
«Ты не плачь, не плачь, не плачь...»	5
Пророк	6
«Когда-нибудь однажды в гастрономе...»	6
Неудачи	7
«Пещерный человек учился рисовать...»	7
«И когда мои ноги уже затекали...»	8
Музыка	8
Уголь	9
Когда не раскрывается парашют	10
«Косноязычье мучило меня...»	10
В бумажном отделе ГУМа	11
«Сосед мой, густо щи наперчив...»	12
Лицо	12
«Крестились готы. В водоем до плеч...»	12
Простота	13
Встреча	13
Голос	15
Доброта	15
«Моя любимая стирала...»	16
«Где ты, русский степенный мужик с бородой...»	16
Я посетил тот город	17
Жизнь	17
Москвичи	17
«Хочет женщина быть красивой...»	18
Купание детей	18
Циник	19
«Звериное тепло домашнего уюта...»	19

«Мне писалось лучше в поездах...»	20
Сибирские вагоны-рестораны	20
«В судьбу походную влюбленный...»	21
Соловей	21
Адам	22
«Кто только мне советов не давал...»	22
Женщины	23
Мир разложил на части Пикассо	23
«Мне не сойти с привычной колеи...»	23
«Поют слепые. Жаждет петь и петь...»	24
«Мне плохо: я ни разу не страдал...»	24
«Вскинь классический лук и сквозь щель амбра- зуры...»	24
Синева	25
«Когда раздроблена нога...»	25
«Боюсь гостиниц. Ужасом объят...»	26
«На вешалке в передней шубка куныя...»	26
Гамлет	27
Красота	27
«Прибита прочно под дверьми подкова...»	28
Поэма о движении	28
Серебряный бор	29
«Смеялась женщина...»	30
Мое мастерство	30

Евгений Михайлович Винокуров

ГОЛОС

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

А 00323. Подписано к печати 31/I 1967 г. Формат бум. 70×108¹/₃₂.
Объем 1,0 физ. печ. лист. 1,40 условн. печ. лист. Тираж 112 000.
Изд. № 349. Заказ № 3439. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

**ЗАКЛЮЧАЕТ С ГРАЖДАНАМИ ДОГОВОРЫ
ДОБРОВОЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ СТРОЕНИЙ, ДО-
МАШНЕГО ИМУЩЕСТВА И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ
ЖИВОТНЫХ**

● Добровольное страхование строений и сельскохозяйственных животных проводится дополнительно к обязательному окладному страхованию. При этом общая страховая сумма по обязательному окладному и добровольному страхованию может составить до 80% стоимости строений и животных.

● Домашнее имущество может быть застраховано по добровольному страхованию в размере его стоимости по государственным розничным ценам.

По договорам страхования Госстрах возмещает ущерб в случае гибели или повреждения строений и домашнего имущества от пожара, наводнения и других стихийных бедствий, а по страхованию животных — при гибели их от болезней, несчастных случаев и вынужденного убоя.

Для более подробного ознакомления с условиями страхования и заключения договоров обращайтесь в инспекцию Госстраха. Инспекция Госстраха имеется в каждом районе. Агента Госстраха можно вызвать к месту вашего жительства или работы.

**ГРАЖДАНЕ! ЗАКЛЮЧАЙТЕ И СВОЕВРЕМЕННО ВОЗВОЗ-
НОВЛЯЙТЕ ДОГОВОРЫ ДОБРОВОЛЬНОГО СТРАХО-
ВАНИЯ.**

Главное управление государственного
страхования РСФСР